

Тамара
Матыль

архитектор, сотрудник отдела научно-методического обеспечения деятельности по охране историко-культурного наследия Института культуры Беларуси (г. Минск, Беларусь)

Городская среда — как коллективная память человечества

«Запас» памятников культуры, «запас» культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью. ...Даже сами реставраторы, работающие иногда согласно своим собственным, недостаточно проверенным теориям или современным нам представлениям о красоте, становятся в большей мере разрушителями памятников прошлого, чем их охранителями. Уничтожают памятники и градостроители, особенно если они не имеют четких и полных исторических знаний. На земле становится тесно для памятников культуры не потому, что земли мало, а потому, что строителей притягивают к себе старые места, обжитые, а потому и кажущиеся особенно красивыми и заманчивыми для градостроителей...».

Д. С. Лихачев

Толчок к развитию психологии, изучающей жизненное пространство, был дан архитекторами. После Второй мировой войны господствовала идеология функционального минимального жилья, что не было только данью моде. Многие определялось повышенной потребностью в жилье в пострадавшей от войны Европе, индустриализацией самого строительного процесса, диктующего унификацию архитектурных форм. Идеи экспериментальной школы прикладного искусства Баухауза «Чем функциональней постройка — тем красивее» нашли реальное воплощение. Привлекательным для проектирования было и то, что дом, возведенный индустриальным способом из одинаковых блоков, как нельзя лучше воплощал идею справедливости, он ни о чем не рассказывал,

по нему нельзя было судить о доходах семьи; индустриальная технология всех уравнивала.

Разочарование наступило довольно быстро. Новые районы, прозванные спальными, оказались непопулярными среди жителей. Лишенные индивидуальности, монотонные дома провоцировали невиданный вандализм. Население с немотивированной ненавистью стало разрушать собственные жилища. Ломалось все, что можно было сломать. Здания, созданные мертвыми механизмами без живого участия человека, как некие машины для жилья, порождали агрессию. В ответ появились первые архитектурно-художественные тексты об уютной, привычной среде, с узкими кривыми улочками, таинственными, манящими, непредсказуемыми, дающими пищу воображению.

Книга Кевина Линча «Образ города», буквально пронизанная ностальгией по старым районам, впервые опубликованная в США в 1960 г., была многократно переиздана и переведена на десятки языков мира. Автор убеждал читателя, что город прежде всего существует для человека, *это его коллективная память*, через материальную культуру среды человек включается в поток времени, связующий прошлое и настоящее.

Следующий шаг был сделан Джейн Джекобс, в 1961 г. вышла ее работа «Смерть и жизнь больших американских городов», где она до основания разрушила миф о превосходстве новых районов. Жизнепригодными, по утверждению автора, являются районы, в которых разнообразные функции создают разнообразные формы жизни.

Редактор одного из архитектурных журналов Джекобс посвятила себя защите *исторического города*. Внимание архитекторов теперь было обращено на среду, появилось так называемое средовое проектирование.

История развития архитектуры на постсоветском пространстве в рассматриваемый период повторяла в основном те же этапы. Будет не лишним напомнить, что одним из важных средовых качеств, воздействующих на человека вместе с пространством, является эстетика среды. Поэтому мы украшаем окружающий нас мир. Каждая эпоха имеет свой глобальный эстетический стиль, который пронизывает весь предметный мир, окружающий человека, определяет характерное для данной эпохи общее настроение, способ общения, видение мира. Эстетический стиль — это некое целостное свойство эпохи, некая норма, регулирующая правила поведения внутри данной системы. Вот что говорил о назначении эстетики в XV в. Леон Батиста Альберти в работе «Десять книг о зодчестве»: «Поистине невероятно, как они (предки)

заботились о том, чтобы все было украшено, словно полагая, будто жизненно необходимое, лишнее убранства и блеска украшений, станет чем-то безвкусным и пресным». Эстетическое качество среды всегда ценилось.

Архитекторы, профессионально работающие с пространством, довольно часто пытаются дать словесное описание своих переживаний, связанных с ними. Пример сложных синестезических эмоций можно найти у Луиса Кана: «Я испытываю сплав различных чувств, слышать звук — это значит видеть наполненное им пространство. Пространство имеет свою тональность, и я воображаю, как я создаю композицию высокого, сводчатого и покрытого куполом пространства, узкого и высокого, *льющегося серебром света* в комнату». Динамический аспект воздействия архитектуры подчеркивал русский архитектор Константин Мельников. Объясняя решения своих проектов общественных зданий, он подчеркивал, что вход должен выглядеть в виде глубокого «антре», зовущего внутрь дома. Франк Л. Райт, рассуждая о будущем архитектуры, приводит размышления китайского философа Лао-Цзы, жившего за 500 лет до нашей эры. Лао-Цзы заявлял, что реальность здания заключается не в четырех стенах и крыше, но во внутреннем пространстве, предназначенном для жизни в нем. Н. А. Ладовский утверждал, что именно *пространство, а не камень*, является материалом архитектуры.

Эстетически привлекательное пространство, среда ассоциируются со следующими поведенческими категориями — отдых, созерцание, ожидание, размышление, общение. Им соответствуют эмоции приятности, радости, активности, покоя, интереса и загадочности. Основные типы поведения в непривлекательных пространствах — проходить мимо, эмоциональный фон — дискомфорт, тревога, страх, как повышенное чувство контроля, так и отсутствие контроля, одиночество.

Для исторической среды характерны определенные особенности поведения: праздник, общение. Она оценивается как приятная, создает ощущение покоя, наличия контроля и вызывает интерес. Непродуманная организация жизненного пространства города, среды, несоблюдение архетипов внешнего и внутреннего пространства, многоэтажная эстетически невыразительная застройка не создают условий для формирования соседской общины. Показателем качества жилого образования может служить визуальная сложность среды, которая складывается из многообразия стилей зданий и функций. (Богатство форм жизни.) Семантика такого пространства порождает внутренний отклик

у человека, вызывая множество ассоциаций, создавая условия для ориентации, четкого ощущения своего местонахождения. Поведение человека в публичном пространстве задано в самом общем плане архетипом этого пространства. «Архе» в переводе с греческого языка означает начало, главенство. Архетип — начальный тип. В городской культуре веками складывались определенные типы пространства: площади, улицы, дворы, центры, окраины, рынки, въезды, ритуальные пространства и т. д. Все эти типы пространств архитектурно заданы, вошли в культурную память человека и предполагают соответствующий тип поведения. Городской архетип — пространство, определяющее поведение человека в рамках городской культуры. В городе можно представить наличие следующих архетипов: внешнее и внутреннее пространство — архетип улицы и двора; архетип места — идентификация — это мое, я здесь живу; архетип центра и окраины; архетипичные пространства праздника, святыни, отдыха, развлечений и т. д.

Проектируя для города, задавая ему направления развития и жизни, особенно в исторической его части, архитекторы и проектировщики должны быть особо аккуратны и тактичны. Именно они «задают» стиль жизни людей на многие годы. Они определяют поведение их в рамках городской культуры, усиливают либо вычеркивают события из исторической коллективной памяти общества. Архитектура «живет» в контексте времени, а не как отдельный «памятник» амбициозному автору. И осознание этого на профессиональном уровне убережет нас всех от просчетов и «случайных» ошибок. «Необходимо не только сохранять отдельные здания или отдельные пейзажи и ландшафты, но сохранять самый характер и природный ландшафт. А это значит, чтобы новое строительство возможно меньше противостояло старому, чтобы оно с ним гармонировало, чтобы сохранялись бытовые навыки народа (это ведь тоже “культура”) в своих наилучших проявлениях. Чувство плеча, чувство ансамбля и чувство эстетических идеалов народа — вот чем должен обладать градостроитель... Архитектура должна быть социальной...» — писал Д. С. Лихачев.

Архитекторы всегда обслуживали власть, но в рамках профессиональных принципов. Когда говорят, что копия ценнее подлинника, архитектурная общественность профессионально отрабатывает заказ — мы имеем архитектурную среду, которая никого не удовлетворяет. А там, где есть жесткое законодательство, не может быть тотальных сносов, и вкладывается в исторические дома капитал как в банковскую ячейку, зная, что со временем эта недвижимость будет только повы-

шаться в цене благодаря своей подлинности. И сейчас, разрушая исторический Минск, мы лишаем его подлинной капитализации. Быстрых денег на памятниках не заработаешь, но если выстроить долгосрочную концепцию, то и вложенные средства окупятся, и будут выполнены духовные обязанности перед потомками.

На конференции ICOMOS «Наследие как двигатель развития» было отмечено, что памятники развивают население, дают представление о прошлом и эти знания выводят поколение вперед. Земля задыхается от отходов, надо не разрушать старое, а минимально в него вмешиваться, сохраняя, используя энергосберегающие технологии. Экологический вопрос очень сложный. Любые разрушения исторического центра связаны с нарушением экологического баланса. Одна из причин, почему в Германии модернизируют, а не разрушают построенное в ГДР, — это проблема утилизации. Если хорошо посчитать, то реконструкция неразрушающими методами может оказаться экономичнее сноса.

Есть и серьезная попытка утверждения так называемой «новой парадигмы наследия», которая утверждает, что ценности меняются. Если ценности относительны, то начинается обрушение всей теории европейской реставрации. И *делается это* под давлением бизнеса и коммерции, которые хотят прийти в центры городов. В новых экономических условиях одними из наиболее привлекательных для застройки территориями, становятся территории, обладающие высоким природным и культурно-историческим потенциалом. Уже явлен результат подобного «интереса» к таким объектам в Москве. Когда говорят «старая Москва уходит», в первую очередь вспоминают тихие московские дворики, в глубине которых скрываются дома XVII — XIX вв. Но памятникам архитектуры советских времен грозит не менее серьезная опасность. «Центральный Детский мир», выдающийся памятник «пера» знаменитого архитектора *Алексея Душкина*, не смогли спасти ни «Архнадзор», ни Общественная палата.

В Москве проходила международная конференция «Наследие в опасности: сохранение архитектуры XX в. и всемирное наследие». На ней шел разговор о том, в каком плачевном состоянии находятся постройки русских архитекторов-авангардистов. Особо были выделены семь памятников: Дом Наркомфина архитектора *Моисея Гинзбурга*, клуб им. Русакова, клуб завода «Каучук» архитектора *Константина Мельникова*, а также его собственный дом на Арбате, Дом-коммуна архитектора *Ивана Николаева*, радиобашня инженера *Владимира*

Шухова, станция метро «Маяковская» архитектора *Алексея Душкина*. Но за время, прошедшее после этой конференции, ни одна из построек так и не была внесена в предварительный список ЮНЕСКО на включение во всемирное наследие. В Москве есть памятники, от которых после неграмотной реконструкции осталась лишь фасадная стена, а интерьеры полностью уничтожены. Так, например, произошло с домом Жолтовского на Моховой и клубом «Буревестник» Константина Мельникова. Есть памятники, где реставраторы полностью изменили авторскую концепцию и замысел. У всех на слуху история сноса «Военторга» и гостиницы «Москва». «На протяжении послевоенных десятилетий облик центра города практически не менялся. И пока другие европейские столицы переживали более или менее плавную эволюцию, Москва, по сути, стагнировала — тихо ветшала, но в этом и были ее прелесть и своеобразие, — считает Марина Хрусталева, искусствовед и председатель MAPS. — Строительный бум начался в Москве в конце 1990-х. В город хлынули деньги инвесторов — московских, региональных и иностранных, и тут же нашлись строительные структуры, готовые их освоить. Впрочем, такая экономическая закономерность нормальна, а проблема лежит в неготовности городских механизмов адекватно встретить этот удар. В городе, история которого насчитывает восемь с половиной веков, а население которого превышает 15 млн, в одночасье развернулась тотальная реорганизация, не подкрепленная ни официально принятым генеральным планом, ни уровнем мышления архитекторов и девелоперов, не имевших на тот момент существенного опыта оперировать градостроительными масштабами...».

Я концентрирую внимание на Москве, потому что это близко, можно посмотреть «что» да «как» на самом деле. В Минске много архитекторов работает после «московской переподготовки». «Там» этот процесс шел с конца 1990-х. У нас — с 2000-х... И что? Мы как-то подготовились? «Переварили» ценный опыт и ждали этого в «боевой готовности»? Нет! Мы идем тем же путем, неся колоссальные потери и умножая невосполнимые утраты. Ярчайший пример подобной практики — жилой дом «у Троицкого», будет правильнее назвать его «антиТроицкое», потому что это явление можно обозначить как перенос акцентов в архитектуре. Масса этого дома просто «съела» исторический квартал Троицкого предместья, «подвергнув сомнению» ценность самой исторической застройки. Этот объект — «гимн» автору, потешившему свои профессиональные амбиции...

Леонид Левин: Имею непосредственную причастность к Троицкому предместью. Тоже было много разговоров, много споров. Первый блин, может, и комом вышел. Называли и рафинированной архитектурой, и такой архитектурой, и сякой. Но мы все-таки сохранили прошлое. Пусть сделали какие-то ошибки, но работали вместе с реставраторами, 3-и института работали. Это была серьезная работа. Это начало по воссозданию исторического центра Минска. Сегодня кто-то захотел, кто-то выложил большие деньги и за эти деньги построил не то, чтобы архитектуру, а карикатуру на архитектуру. На это огромное здание, которое там выросло, просто с ужасом смотришь. Нам говорят «согласовывалось—просматривалось». Грош цена тому, кто согласовывал это строение. Я понимаю, что человек выложил деньги, свои или неизвестно чьи; человек принес в бюджет деньги. Это плевок городу в прямом смысле слова. Говорят, там уже раскупили квартиры. Ну, не волнует нас, минчан, что раскупили все квартиры или они стоят пустые, что один приобрел пять квартир, а другой — одну. Мы беспокоимся о городе. В данном случае, архитектор должен разрушить. На такую громадину и у меня не поднялась бы рука, чтобы остановить бульдозер, который шел бы ее разрушать. Это уже катастрофа для города.

К сожалению, примеров очень много и касается того, что уже свершилось. Непрофессионально, безграмотно, безнравственно, безответственно перед потомками. Думаем ли мы об этом?

Уже который год держат оборону хозяева квартир по улице Революционной. Несмотря на то, что их дома являются историко-культурной ценностью, людям предлагают выселиться. При этом предложения по компенсации жилплощади в самом центре города отнюдь не рыночные... Впрочем, по мнению представителя КУП «Мінская

спадчына», «застройка на Революционной довольно ветхая. Несущая способность многих конструктивных элементов уже три года назад была близка к нулю — кирпич и раствор рассыпались в руках. Но самое здание реставрируемо и передано под офисы под благовидным предлогом «уплотнения застройки».

Еще один пример «уплотнения» в самом историческом центре Минска. На Верхнем городе сразу за стенами здания женского базилианского монастыря (сейчас тут детская музыкальная школа), где ранее был разбит монастырский яблоневый сад, возводится «объект общественно-бытового назначения». По пятну застройки этот объект полностью «забивает» все свободное пространство и по своей «архитектурной» массе уже спорит с сохранившимся историческим окружением Верхнего города.¹

Но кое-что в этом городе еще осталось...

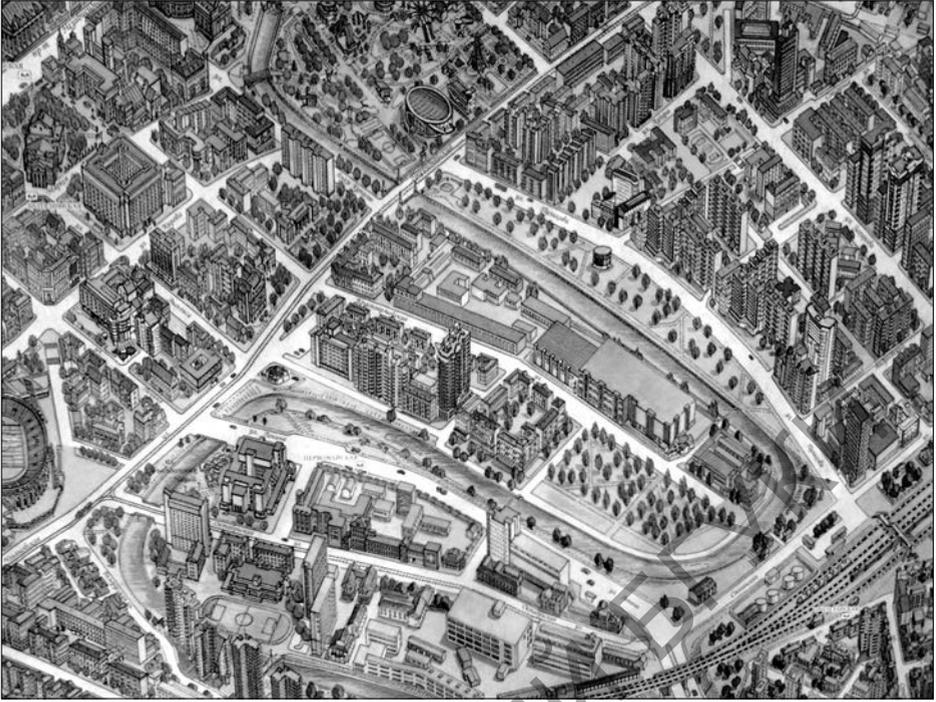
«Пасёлак на Трактарным — своеасаблівы “помнік” пад адкрытым небам цэлай эпосе. Гістарычныя назвы вуліц, фігурка піянера, “сталінкі” з іх “атмасфернымі” дворыкамі, і што найбольш важна, лёсы людзей, якія тут вырасталі, — усё гэта цяпер адзіны цэльны тэкст культуры, які неабходна цаніць і захоўваць, а ў перспектыве — надаць далейшае развіццё. Чаму б не захаваць падобныя ўнікальныя “выспы” найперш для сябе, а таксама — для цікаўных гасцей? Ці не прыспеў час, каб у спісе нашых гісторыка-культурных каштоўнасцей былі і такія помнікі?»

¹ В статье используются фотографии автора.

Магчыма, гэтае пытанне гучыць па-наватарску, але калі не адказаць на яго зараз, то потым можа быць позна. Неаднаразова ў прэсе агучваліся планы па зносе гэтага раёна...» [3].

Квартал домов по ул. Красноармейской, пер. Казарменному и набережной р. Свислочь — прекрасный пример «сталинского ампира». В архитектуре этих зданий выделяются общие закономерности, присущие только этому конкретному жилому комплексу. Это прежде всего дифференцированное решение фасадов. В композиции домов появляется асимметричность, подчеркнутая размещением входа. Используется принцип художественного контраста — по цвету, материалу (штукатурка, открытый кирпич), который однако не нарушает единства и целостности застройки. Соотношение композиции и формы отдельных зданий и всего комплекса с пространством вокруг него и с обликом этого уголка города дает возможность выделить эту застройку как художественное целое, архитектурно-градостроительную единицу. Планировка и архитектура зданий и самой дворовой территории образуют неповторимую пространственную среду, дающую информацию об истории города.

Время постройки этих домов 1953—1957 гг. Квартал построен как жилье для работников станкостроительного завода им. С. М. Кирова. Квартал — замкнутое со всех сторон внутриворовое пространство, ограниченное шестью жилыми домами, расположенными по периметру уютного большого двора. Между домами располагались ограждения в виде кирпичных столбиков и кованых металлических решеток. В этих решетках имелись калитки и ворота для входа и въезда на территорию двора. Таким образом двор являлся огражденным со всех сторон пространством, безопасным для обитателей, особенно для детской его части. В нижних этажах жилых зданий располагалась необходимая инфраструктура для обслуживания этого «мини-государства». Это и детский садик, и детские ясли для совсем маленьких обитателей (в те годы мамы выходили из декретного отпуска через три месяца после рождения ребенка), и магазин продуктов, ателье по пошиву обуви, в отдельно стоящем здании размещалась стоматологическая клиника. Нельзя не отметить находящиеся внутри двора сблокированные двухэтажные (первый этаж — кирпич, второй — дерево) сараи. В них многие жильцы этого двора держали «подсобное хозяйство» в виде кроликов, кур и даже нутрий. Кирпичные торцы сараев были до удивления профессионально украшены «живописью». Здания сараев были снесены в 2005 г. по причине их ветхости и плану благоустройства дворовых

территорий в центре столицы (таких мест в центре Минска осталось немного). На территории двора располагалась детская площадка. Во дворе высажено множество деревьев, которые уже сейчас достаточно взрослые и являют собой зеленый оазис. Определенно явным недостатком дворовой территории является дефицит парковочных мест, но это логично. Ведь в те времена машина являлась несомненной роскошью, а не только средством передвижения.

Несомненной роскошью сегодня является подобный двор, где соседи здороваются друг с другом, детей выпускают гулять во двор, а не «на улицу», в окна квартир заглядывают ветви деревьев, где человек чувствует свою полную защищенность. Сам квартал из этих домов находится на «полуострове», в излучине р. Свислочь. Здесь река поворачивает на ул. Пулихова, огибая и территорию завода. В самом низу «петли» находится парк 40-летия Октября. Совсем недавно парк «принадлежал» жителям прилегающих домов. Здесь гуляли дети с велосипедами, мамы с колясками, владельцы собак с питомцами, собирали грибы местные грибники, играли футбольные команды, а летом уже несколько раз подряд проводились потрясающие «фаер-шоу», студенты технологического института и лицея БГУ «сдавали нормы» по физвоспитанию. Сейчас на территории парка, вырубив изрядную его часть, китайская компания строит китайскую гостиницу. Под пятно застройки «ушли» и поле для футбола, и пространство для фаер-шоу, и множество деревьев, высаженных первыми обитателями этой лакуны. И абсолютно ясно, что с появлением новой гостиницы, канет в небытие и атмосфера удивительного старого квартала города, где реально угадывалось время эпохи 50—60 гг. XX в. Для людей неравнодушных и знающих толк в качестве жизни, это станет несомненной утратой.

Список утрат и «преобразований» в нашем городе можно продолжать долго. Тот процесс жесткого инвестиционного прессинга, в котором архитектурная Москва живет давно (выживает или умирает?), мы «дождались» тоже. И имея перед глазами картину последовательных

событий разрушения архитектуры «златоглавой», мы не делаем выводов и не выстраиваем стратегию спасения своей архитектурной «спадчыны». А ведь ее у нас в разы меньше!!!

Стремление инвесторов строить в исторической части города, вблизи памятников свидетельствует о престижности жизнедеятельности в этих районах и о высокой коммерческой выгоде, которая напрямую зависит от средового окружения. Виды из окон стали ценностным параметром. Видовые точки, визуальные связи, городские панорамы должны быть каталогизированы как предметы средовой и градостроительной охраны. Наиболее эффективный способ сохранения и популяризации исторической среды представляет вовлечение открытых пространств в социальный оборот путем развития пешеходных зон и их инфраструктуры. Созданию комфортной обстановки в историческом центре способствуют его благоустройство, озеленение, освещение и установка малых архитектурных форм, сомасштабных окружающей застройке и соответствующих эстетике среды. Недостаток гармонии, игнорирование традиций, перегруженность пространства могут породить проблемы восприятия, потерю чувства безопасности и комфорта, сделать открытое пространство непривлекательным и недружественным.

Решение задач реконструкции территорий и объектов, включая новое строительство, возможно лишь при условии разработки и соблюдения системы ограничений и предпочтений, обеспечивающих сохранение ключевых элементов исторической среды. Реконструкция должна вестись на основе историко-культурной и историко-градостроительной экспертиз, определяющих значимость и степень сохранности объектов культурного наследия всех уровней: города в целом как исторического поселения или достопримечательного места, его крупных фрагментов (например, кварталов послевоенной малоэтажной застройки), ансамблей, отдельных зданий и сооружений. Существуют разные приемы гармоничного включения современной архитектуры в группы исторических построек: от полного «растворения» новых архитектурных объемов, материалов и цвета в окружающей среде до методов «контрапункта», всевозможных стилизаций и воссозданий средствами нового строительства, новыми технологиями и материалами. В отличие от воссоздания, которое ставит ложный знак равенства подлинника «новоделу», регенерация и реновация как более творческие методы диктуют новой архитектуре необходимость выявления внутренних закономерностей исторической среды, архитектуру художественных образов.

Интеграция современной архитектуры в историческую застройку периодически возникает в теории и практике охранного дела. Новая архитектура в контексте исторической среды — одна из важных составляющих стратегии сохранения культурного наследия. Зоны регулирования застройки определяют возможности нового строительства на территориях незавершенной или деградированной градостроительной среды, разорванных уличных фронтов, внутриквартальных участках и на местах утраченных строений. Новое строительство должно служить реставрации градостроительной ткани, воспроизводству утраченных элементов городского ландшафта, планировочной структуры, масштаба, членений, ритма, силуэта, визуальных связей, пространственных отношений застройки.

Архитектурная среда города — это предметный носитель информации, созданный архитекторами и хранимый и передаваемый потребителю особой системой знаков (информативно-знаковой системой городской архитектуры). Сохранение исторической среды города — это осознанная мера, вытекающая из принципа культурно-исторической преемственности. Разрыв преемственных связей чреват многочисленными потерями в нравственном, эстетическом, экономическом отношениях.

«Один архитектор может быть агрессивен, может стремиться занять собственным произведением лучшее место, сделать его наиболее заметным, “громким”, помпезным. Другой — может быть более социален, с уважением относиться к окружающей застройке и природе. Третий архитектор может оказаться “многоречив”, стремясь вложить в свое произведение как можно больше всего. Четвертый архитектор будет социален, скромнен, будет стремиться согласовывать свою постройку с традицией местности, обычаями и привычками жителей, будет добиваться уюта, приветливости своих творений... Конечно и пышность, и традиционность, и уют, и приветливость — в каждом случае своя, особая, поэтому-то и “идеальных образов” городов много. *Хуже всего, если он черпает свои архитектурные идеи из иностранных журналов, механически пересаживает в свой город здания “красивые вообще”. Тогда получается город без образа, то есть безобразный...* Новые центры старых городов должны строиться вне старых, а старые должны поддерживаться в своих наиболее ценных градостроительных принципах. Эти градостроительные принципы были и их не следует разрушать. Архитекторы, строящие в старых городах, должны знать историю “своих” городов и чувствовать их красоту. ...Как были бы счастливы люди будущих веков увидеть собственными глазами живую “эпоху...”, погулять в ней, явно представить места событий...» [4].

Список использованных источников

1. Автор Троицкого предместья : Боюсь, что Минск станет пригородом Москвы. Заслуженный архитектор Беларуси Леонид Левин. Доходное место : Точка невозврата. Елена Березина. Для Вестомостей [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2008/06/23/152105#ixzz22U1BDy9G>. — Дата доступа : 23.06.2008.
2. «Атмасферныя» мясціны сталіцы : жылы пасёлак трактарнага завода // Архитектура и строительство. — 2011. — № 3 (221).
3. Штейнбах, Х. Э., Еленский, В. И. Психология жизненного пространства / Х. Э. Штейнбах, В. И. Еленский // РЕЧЬ. — СПб., 2004.
4. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. — М., 1989.

Дмитрий Кепин

212

кандидат исторических наук, научный сотрудник и ученый секретарь отдела культурного наследия Центра памятниковедения НАН Украины и Украинского товарищества охраны памятников истории и культуры (г. Киев, Украина)

Археопарки как форма сохранения и презентации историко-культурного наследия

В группе музеев-заповедников выделяется тип археологических скансенов (археопарков) *in situ*, которые далее можно разделять на подтипы: естественно-археологический; геолого-археологический; археолого-палеонтологический; спелео-археологический; экзотно-археологический; археодром. На современном этапе развития музеологии и памятниковедения в Украине особую актуальность приобретает разработка концепций по созданию таких новых музейных комплексов.

В истории развития музеев под открытым небом скансенов в странах Европы, О. Г. Севан выделила три этапа: 1 — 1891—1918; 2 — 1919—1958; 3 —